

У ДОГИЛЕВОЙ — МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

А муж не вмешивается...

В театральном мире Москвы — сенсация. Знаменитая актриса Татьяна Догилева превратилась в режиссера. Работает в антрепризе, делает спектакль о головокружительных любовных авантюрах. Ее постановка — дебютная акция фонда Олега Меньшикова. Все безумно заинтригованы: «Как-то у нее получится командовать коллегами?» «МК» тоже был заинтригован происходящим в стенах «Московской антрепризы», и наш корреспондент проник

на репетицию к Догилевой.

Работа в самом разгаре, продолжается уже полтора месяца. Премьерные спектакли в середине февраля на главной сцене МХАТа имени Чехова. Догилева тихо сидит в кресле у прохода, будто провела здесь всю жизнь. Рядом стульчик, на нем — текст пьесы и пепельница. Догилева прерывает артистов редко, дает поиграть. Единственным признаком ее режиссерской жизни остается дым сига-

реты, клубящийся возле сосредоточенного лица. Роль режиссера Догилева выдерживает спокойно, как-то даже чересчур скромно, без демонстративной экзальтации и всяких там фирменных понтов, которыми нередко балуются опытные и прославленные постановщики.

— На самом деле она накричать может еще как, — шепнул мне только что спустившийся со сцены Сергей Маковецкий. — Сидит-сидит себе тихонечко, наблюдает, а потом как выдаст с ходу: «Ну что вы творите-то?! Всю сцену провалили к черту!» Так что кто думал, что с Татьяной можно будет раслабиться, — жестоко ошибался.

Спектакль Догилевой — история семейная. Во первых, у актрисы, окунувшейся в режиссуру, — медовый месяц с писателем и переводчиком и собственным супругом Михаилом Мишиным. Не брачный, конечно, — тот давно прошел, — а творческий. Именно Мишин сделал перевод пьесы Нозля Кауарда «Частная жизнь», которой дал новое название — «Лунный свет, медовый месяц». Ее-то и ставит Догилева. Во-вторых, сюжет самой пьесы — сугубо семейный. Распавшаяся супружеская пара (Маковецкий и Оксана Фандера) встречается на Лазурном берегу, где каждый из бывших супругов торжественно отмечает начало жизни с новой второй половиной. Но горе этим половинам (Владимир Стеклов и Татьяна Аушкан). Маковецкий с Фандерой бегут от них в Париж, дабы вернуть глупо перечеркнутое прошлое. Их новые пассии устремляются следом...

У режиссера Догилевой помимо известных артистов хорошая творческая страховка в лице ленкомовского сценографа Олега Шейндиса и вездесущего Сергея Виноградова, актера, который, кажется, перебивал консультантом по сцендвижению во всех московских театрах.

— Татьяна, с вами такие беспрюирышные люди работают — и актеры, и художник, и хореограф, да еще и комедию абсолютно хитовую выбрали. Видимо, вы ими, как стеной, отгораживаетесь от ужаса перед дебютным провалом?

— Что-то похожее на ужас время от времени находит, конечно. Но я тут же говорю себе: в конце концов спектакль — это же не война, не взрыв самолета. К чему истерики? Я не врач, и даже если моя операция пройдет неудачно, никто не помрет. Когда я начала работать с Олегом Шейндисом, он меня сразу предупредил: «Только не думай, ради бога, что это — дело всей твоей жизни». А я и не думаю, и никаких непомерных режиссерских амбиций у меня нет. Наоборот, спокойно говорю, что я просто актриса, спустившаяся в зал. Ну интересно мне было попопробовать это дело, хотелось очень. В режиссуру тянет почти всех актеров — я точно знаю. И у меня это уже давнишняя навязчивая идея.

— Когда вы на сцену выпрыгиваете, чтобы показать что-то, видно, как вам хочется там остаться. Чего ж себе-то роли не взяли?

— Да не хочу я играть в своем спектакле. Это невозможное для меня раздвоение. Был у меня как-то случай: один режиссер (не хочу вспоминать имя), у которого я играла главную роль, как-то так самоустранился, и на мне повис весь спектакль. В результате я сама на все это плюнула и ушла. Так нельзя работать — быть в двух шкурах одновременно.

— Вы для режиссерского дебюта взяли пьесу, которую перевел ваш муж. Не боитесь обвинений в семейственности?

— Мне очень нравится, как Мишин переводит. Он великолепно это делает. С какой стати я должна выбирать кого-то другого? И Кауарда я давно люблю. Это такая драматургия, которая мне понятна.

— А почему супруга вашего в зале не видно? Неужели не помогает?

— Нет, он не вмешивается. Даже не был ни на одной репетиции.

— Но он все-таки сказал вам что-то, когда узнал, что вы решили в режиссуру податься?

— Он же муж все-таки. Поэтому сказал: «Ну и правильно».

Арсений СУХОВЕРХОВ.
Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Мск. рецензия — 1998 — 27 янв. — с. 7.